

DOI: 10.31857/S013038640024400-8

© 2023 г. А.Ю. ВАТЛИН, С.И. НЕВСКИЙ, А.А. ТУРЫГИН

ВИЛЬГЕЛЬМ II И СИСТЕМА ВЛАСТИ В ГЕРМАНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX века

Ватлин Александр Юрьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

E-mail: vatlin_alex@mail.ru

Scopus Author ID: 56209861500; ORCID: 0000-0002-6673-7633; Researcher ID: W-2922-2017

Невский Сергей Игоревич – кандидат экономических наук, доцент кафедры истории народного хозяйства и экономических учений экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

E-mail: nevskij@econ.msu.ru

Scopus Author ID: 57195592468; ORCID: 0000-0001-9312-9863; Researcher ID: N-1691-2013

Турьгин Александр Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Костромского государственного университета (Кострома, Россия).

E-mail: aturigin@mail.ru

Scopus Author ID: 57219485475; ORCID: 0000-0003-0758-6422; Researcher ID: Y-3378-2018

Аннотация. На основании историографического анализа в статье сделана попытка осмыслить 30-летний период правления германского императора Вильгельма II с учетом исторически сформировавшихся тенденций власти, идеологии, общественно-политической организации, а также представлений о монархии и государстве у самого императора. Статья систематизирует оценки историками понятий «двойной модернизации», «режима личной власти императора» и «вильгельминизма», а также интерпретации феномена радикализации общественного мнения, деятельности политических партий и массовых объединений. По общему убеждению авторов статьи, далеко идущие конституционные гарантии и полномочия, провозглашенные и предоставленные немецкому обществу Конституцией 1871 г., в действительности оказались существенно ограниченными. Рейхстаг как общественно-политический институт власти на деле так и не стал главным субъектом законодательного процесса с контролирующими исполнительную власть полномочиями. Немецкая буржуазия не смогла обеспечить себе «классические прерогативы парламентаризма» (Г. Иггерс). Конституционно закрепленный перевес монархической власти был подкреплен союзом князей с аграрной верхушкой, которая продолжала доминировать в экономическом и политическом отношении, заняв ключевые позиции в бюрократическом аппарате и армии. Поэтому из-за сравнительно позднего объединения страны, сохранения средневековой монархической культуры и структур господства субъектами модернизационных изменений в этот период времени становятся общественные группы, ассоциации, союзы, политические движения и партии. Развязанная германской монархией война и ее последующий трагизм отчетливо показали обратную сторону национального единения. Все эти события рассматриваются в фокусе трансформации монархии, однако не в сторону ограничения личной власти правителя, а в сторону традиционного представления о ней («союз алтаря и трона»), что и предопределило финальную катастрофу правления императора Вильгельма II.

Ключевые слова: Германская империя, Вильгельм II, «режим личной власти», авторитаризм, «вильгельминизм», «двойная модернизация», «особый путь», «мнимый конституционализм», милитаризм, колониализм.

A.Yu. Vatlin, S.I. Nevskiy, A.A. Turygin

Wilhelm II and the Power System in Germany in the Late Nineteenth and Early Twentieth Centuries

Alexander Vatlin, Department of Modern and Contemporary History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

E-mail: vatlin_alex@mail.ru

Scopus Author ID: 56209861500; ORCID: 0000-0002-6673-7633; Researcher ID: W-2922-2017

Sergey Nevskiy, Department of History of Economics and History of Economic Thought, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

E-mail: nevskij@econ.msu.ru

Scopus Author ID: 57195592468; ORCID: 0000-0001-9312-9863; Researcher ID: N-1691-2013

Alexander Turygin, Department of History, Kostroma State University (Kostroma, Russia).

E-mail: aturigin@mail.ru

Scopus Author ID: 57219485475; ORCID: 0000-0003-0758-6422; Researcher ID: Y-3378-2018

Abstract. On the basis of a historiographical analysis, the authors of this article attempt to reflect on the thirty-year reign of German Emperor Wilhelm II, taking into account the historically shaped tendencies of power, ideology, social and political organisation, as well as the Emperor's own ideas of monarchy and state. The authors systematise historians' assessments of the concepts of "dual modernization", the "regime of personal rule by the emperor" and "Wilhelminianism" as well as interpretations of the phenomenon of radicalisation of public opinion and the activities of political parties and popular associations. It is their shared opinion that the far-reaching constitutional guarantees and powers proclaimed and granted to the German public by the 1871 Constitution were in fact substantially circumscribed. The Reichstag, as a social and political institution of power, never really became the main actor in the legislative process with controlling powers over the executive. The German middle class failed to secure the "classical prerogatives of parliamentarianism" (Georg Iggers). The constitutionally enshrined preponderance of monarchical power was reinforced by the alliance of the princes with the agrarian elite, which continued to dominate both economically and politically, occupying key positions in both the bureaucracy and the army. Therefore, due to the comparatively late unification of the country, the preservation of medieval monarchical culture and structures of domination, social groups, associations, unions, political movements and parties became the subjects of modernisation changes during this period of time. The war unleashed by the German monarchy and its subsequent tragedy clearly showed the other side of national unity. All these events are considered in the context of the transformation of the monarchy, which however was not progressing in the direction of limiting the personal power of the ruler, but towards the traditional view of it ("the alliance between throne and altar"), which predetermined the final disaster of the reign of Emperor Wilhelm II.

Keywords: German Empire, Wilhelm II, "personal rule regime", authoritarianism, "Wilhelminianism", "double modernization", Sonderweg, "imaginary constitutionalism", militarism, colonialism.

«ВИЛЬГЕЛЬМИНИЗМ» КАК ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ

Германский император Вильгельм II (1859–1941) принадлежит к числу тех исторических личностей, споры о которых не утихают до настоящего времени. Историки продолжают находить в его биографии множество фактов, опровергая ими любое более или менее устоявшееся в историографии мнение. По этой причине один из самых известных современных специалистов по эпохе Вильгельма II, посвященный в рыцари королевой Елизаветой II в 2015 г. за развитие англо-германских отношений, кембриджский профессор Кристофер Кларк в своих многочисленных публикациях предлагает читателю самому определиться с оценкой. В статье «Насколько могущественным был император?» он приводит один из таких фактов. В январе 1904 г. король Бельгии Леопольд II (1835–1909) был приглашен в Берлин на обед в честь дня рождения императора. Оба монарха сидели

рядом, и все шло хорошо, пока император внезапно не поднял вопрос о возможном нападении Франции на Германию. Вильгельм объяснил, что в случае войны между Германией и Францией он ожидает, что бельгийцы встанут на сторону Германии. В обмен на это он лично побеспокоится о вознаграждении Бельгии аннексированными у северной Франции территориями. Сам Леопольд, добавил он, проникаясь его темой, может рассчитывать на корону Старой Бургундии. Когда король Бельгии, встревоженный этими мыслями, возразил, что министры и парламент его страны вряд ли одобряют столь далеко идущие планы, Вильгельм начал выходить из себя. Он начал говорить, что не может уважать короля, который считает себя ответственным перед министрами и парламентом, а не перед одним лишь Богом. Сославшись на школу Фридриха Великого и Наполеона, Вильгельм дал понять, что тогда сам он будет руководствоваться исключительно стратегическими соображениями. Выслушав императора, король Леопольд был так расстроен, что, встав из-за стола, надел шлем задом наперед¹. Приведенный К. Кларком пересказ встречи монархов способен навести читателя на мысль о неограниченной вере Вильгельма II в незыблемость монархии и неприятие им конституционных рамок, что в начале XX в. казалось многим средневековым пережитком.

Однако еще один эпизод жизни императора демонстрирует иную тактику поведения, основанную на заинтересованности Вильгельма II в выстраивании отношений с государственными служащими, уважении их мнения и понимании реальности конституционной монархии. Описание этого случая мы находим в воспоминаниях графа Владимира Николаевича Коковцова (1853–1943), председателя Совета министров Российской империи. На встрече в городе Балтийский порт (ныне – Палдиски, Эстония) 22 июня 1912 г. В.Н. Коковцову представился шанс пообщаться с Вильгельмом II о строительстве общеевропейского нефтяного треста, который мог бы конкурировать с американским Standard Oil. Этот разговор состоялся при явном равнодушии со стороны Николая II (1868–1918). В.Н. Коковцов в своих воспоминаниях отметил, что эта тема, напротив, интересовала германского императора, «так как за полгода перед тем он имел на ту же тему беседу с Э.Л. Нобелем». Строительство треста уже тогда занимало мысли Вильгельма II, «в числе которых была мысль о необходимости бороться с Америкой и сделать Европу менее зависимой от нее. Беседа приняла чрезвычайно оживленный характер и затянулась даже за предел, дозволенный по придворному этикету. Солнце жгло беспощадно. Государь не решался прервать нашего разговора, но делал мне за спиной Императора Вильгельма знаки нетерпения, вся свита стояла поодаль и не знала, что делать; а Вильгельм все с большим и большим жаром парировал мои аргументы, и, когда Государь, очевидно потерявши терпение, подошел к нам и стал вслушиваться в наш разговор, Император Вильгельм обратился к нему с такими словами (по-французски): “Твой Председатель Совета очень отрицательно относится к моим идеям, и мне очень не хочется, чтобы оказался прав он, а не я. Я прошу Твоего разрешения постараться доказать ему аргументами, собранными в Берлине, и, когда мы приготовим нашу защиту, я попрошу Тебя дать мне возможность возобновить этот разговор с ним”»².

Попытки историков понять противоречивый стиль Вильгельма II привели к формулировке термина «вильгельминизм», которым можно обозначить как личное видение императором государства, возглавляемого сильным правителем (которым Вильгельм II стремился стать), так и особый период в развитии Германии, характеризовавшийся «рывком к мировому господству»³ и падением монархии. Дискуссионный характер термина,

¹ Clark C. How powerful was the Kaiser? // London Review of Books. 2015. Vol. 37. № 8. URL: <https://www.lrb.co.uk/the-paper/v37/n08/christopher-clark/how-powerful-was-the-kaiser> (дата обращения: 30.01.2023).

² Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг.: в 2-х т. Т. 2. Париж, 1933. С. 77–78.

³ Понятие «рывок к мировому господству» (Griff nach der Weltmacht) отсылает к известной работе немецкого историка Фрица Фишера, инициатора соответствующей исторической дискуссии. См.: Фишер Ф. Рывок к мировому господству. Политика военных целей кайзеровской Германии в 1914–1918 гг. / пер. с нем. Л. Ланника. М., 2017.

что относится и к современной историографии, выводит его за рамки сугубо политических или индивидуально-психологических значений. Историки время от времени соотносят его с «социокультурным климатом эпохи», выражением которого стало причудливое сочетание консервативных политических ориентаций, подобных «викторианской эпохе» в Великобритании и оправдывающих притязания Германии на мировое господство, с набирающими силу антиконсервативными общественными тенденциями и ожиданиями демократических изменений, основанных на вере в прогресс⁴. Так или иначе, в стремлении интерпретировать период «вильгельминизма», приведший к Первой мировой войне, важно понимать те его основания, которые стали зародиться еще до Вильгельма II в рейхе, скованном «железом и кровью».

Для современной российской историографии попытка систематизации мнений ведущих западных специалистов по истории эпохи Вильгельма II, предложенная в настоящей статье, продиктована отсутствием ее комплексного исследования. Отдельные работы российских историков затрагивают «вильгельминизм» лишь частично. Так, на основании глубокого изучения документов Архива внешней политики Российской империи А.Г. Матвеева доказывает связь внешней колониальной политики Вильгельма II с целенаправленным отвлечением общественного внимания от внутренних проблем, где «деструктивная энергия пролетариата» экстраполировалась на расширенные колониальные захваты⁵. Этот вывод повторяет уже устоявшийся тезис немецкого историка Ганса-Ульриха Велера о «социальном империализме», о котором речь пойдет далее. Ю.А. Левшина рассматривает «вильгельминизм» с точки зрения общественного мнения, полагая, что оно стало решающим фактором формирования образа власти в самом начале XX в.⁶ Исследование Л.Н. Полубоариновой посвящено формированию образа власти на стыке консервативных и модернистских тенденций развития немецкой культуры⁷. В.В. Таран обращает внимание на то, что «вильгельминизм» как индивидуальный стиль императора стал возможен только в тени «Великого О. Бисмарка», поскольку особенностью политики Вильгельма II становится предпочтение монархом лояльных и безынициативных канцлеров, которое создавало лично для него массу преимуществ в осуществлении самостоятельной политики⁸.

Отставка канцлера Отто фон Бисмарка (1815–1898) 20 марта 1890 г., опекой которого тяготился молодой монарх⁹, ознаменовала новый этап в истории Германской империи. После стабильной союзнической политики, исходящей из практических соображений, а не идеологических или моральных ценностей, в эпоху кайзера Вильгельма II, продолжавшуюся с 1888 по 1918 г., стремление к мировому могуществу и поиску «места под солнцем» становится новым ориентиром для Германской империи. В соответствии с концепцией «особого пути», объясняющей специфическую роль Германии в мировой истории начала XX в. уникальностью ее исторического развития, в эту эпоху империя модернизировалась, не становясь демократизированной, в отличие от таких стран, как Великобритания, Франция или США¹⁰. Основанием для этого стало предпочтение немецкой

⁴ Lemke A. Gedächtnisräume des Selbst: Walter Benjamins "Berliner Kindheit um neunzehnhundert". Würzburg, 2005. S. 90.

⁵ Матвеева А.Г. Некоторые аспекты германской колониальной политики в 1880–1890-е гг. (по материалам Архива внешней политики Российской империи) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. № 8 (94). С. 18.

⁶ Левшина Ю.А. К вопросу о влиянии прессы на формирование общественного мнения Германии в начале XX века // Ученые записки Орловского государственного университета. 2013. № 4 (54). С. 68–72.

⁷ Полубоаринова Л.Н. Литературный образ Берлина в эпоху кайзера Вильгельма II: между консерватизмом и модерном // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 1. № 4. С. 23–32.

⁸ Таран В.В. Кайзер и канцлер в эпоху правления Вильгельма II Гогенцоллерна // Colloquium-Journal. 2019. № 14 (38). С. 48–50.

⁹ Матвеева А.Г. Вильгельм II и отставка О. фон Бисмарка // Новая и новейшая история. 2022. № 5. С. 92–103.

¹⁰ Wehler H.-U. Das Deutsche Kaiserreich 1871–1918. Göttingen, 1980. S. 11–18.

буржуазии пойти на компромисс с земельной аристократией и князьями перед желанием вступить в союз с народом — марксистский тезис, не утративший своей актуальности и по сей день¹¹. Этот компромисс, повлекший за собой концентрацию власти за консервативным феодально-аристократическим центром, резко противоречил бурным индустриальным процессам, не давая империи «разумно ответить на новые вызовы времени»¹². Консерватизм германских элит ярче всего передает немецкая литература времен кайзера Вильгельма II, создавшая выразительный образ человека, сознание которого определялось вековым монархическим укладом. Так, незадолго до начала Первой мировой войны был опубликован роман Генриха Манна «Верноподданный», наполненный социальной иронией и пессимизмом¹³.

«Вильгельминизм» как фактор, определявший общественно-политическое развитие Германской империи в конце XIX — начале XX в., напрямую не тождественен тридцатилетнему периоду правления кайзера Вильгельма II, хотя и добавляет ему некоторой специфики. «Вильгельминизм» не является концепцией общества, связанной с именем Вильгельма II, а гораздо больше соотносится с габитусом кайзера и режимом его личной власти. Составляющими этого образа были помпезные военные парады, ставшие предметом особой гордости монарха, возвеличивание героики прошлого, борьба с социалистической идеологией, а также личные амбиции Вильгельма II превратить Германию в великую державу, подогреваемые колониальными приобретениями в южных морях и на африканском континенте. Военный шлем с пикой из парадного атрибута прусской армии становится символом эпохи, отражая милитаристскую идеологию вильгельминистской Германии. Этот образ дополняет «режим личной власти» кайзера, носящий в целом деструктивный характер¹⁴. Он был авторитарным, основанным на полном неприятии конституционных изменений, отказе понимать монархию иначе, чем в соответствии со средневековыми формулами ее легитимности, маниакальных напоминаниях о божьей милостью данных полномочиях, особенно по отношению к тем, кто осмеливался критиковать речи кайзера, а также характеризовался навязчивым сравнением себя с Цезарем и мыслями об исключительности императорского достоинства¹⁵. Гораздо выразительнее о власти монарха высказался сам кайзер, сделав публичное заявление через год после отставки Бисмарка 4 мая 1891 г.: «В империи есть только один господин; этот господин — я, и я не потерплю никого другого»¹⁶. Далее Вильгельм II сетовал на распространение в империи духа неповиновения и происки лжеучителей, которые пытались ввести в заблуждение его подданных, заканчивая свою речь призывом к немцам следовать за своим кайзером ради спасения и величия Германии.

Оценки «режима личной власти» Вильгельма II — термина, введенного немецким историком Эрихом Эйком, — расходятся в понимании его эффективности. С одной стороны, признается значительное влияние кайзера на формирование внутренней и внешней политики, прежде всего кадровой, которая позволяла монарху осуществлять личную

¹¹ *Genton F.* La “misère allemande”, un problème du socialisme européen vers 1900. La controverse Jaurès-Mehring à propos de Frédéric II de Prusse et de l’Aufklärung // *Chroniques allemandes.* 1998–1999. № 7. P. 77–80.

¹² *Радкау Й.* Эпоха нервозности. Германия от Бисмарка до Гитлера / пер. с нем. Н. Штильмарк; под науч. ред. С. Ташкенова. М., 2017. С. 271.

¹³ *Mann H.* Der Untertan. Roman. Leipzig, 1918 (на русском языке: *Манн Г.* Верноподданный. М., 1985).

¹⁴ *Cecil L.* Wilhelm II: Prince and Emperor, 1859–1900. Chapel Hill, 1989; *Mommsen W.J.* War der Kaiser an allem schuld? Wilhelm II. und die preußisch-deutschen Mächtigsten. Berlin, 2002; *Макдона Дж.* Последний кайзер. Вильгельм Неистовый / пер. с англ. А.М. Филитова. М., 2004; *Röhl J.C.G.* Wilhelm II. Der Weg in den Abgrund 1900–1914. 3. Aufl. München, 2017; *Schabas W.A.* The trial of the Kaiser. Oxford, 2018; *Hasselhorn B.* Nach dem Königstod. Zum Umgang Wilhelms II. mit seinem Erbe nach 1918 // *Preußendämmerung. Die Abdankung der Hohenzollern und das Ende Preußens: Kulturgeschichte Preußens.* Colloquien / Hrsg. von T. Biskup, T. Vu Minh, J. Luh. Vol. 8. Heidelberg, 2019. S. 39–51.

¹⁵ *Рель Дж. К. Г.* Вильгельм II Германский император (1888–1918) // Шиндлер А., Циглер В. Кайзеры. Ростов-на-Дону, 1997. С. 531.

¹⁶ *Die politischen Reden Kaiser Wilhelms II. Eine Auswahl / Hrsg. M.A. Obst.* Paderborn, 2011. S. 77.

власть. С другой стороны, проблема здесь видится в том, что Вильгельм II использовал ее весьма и весьма неэффективно. В понимании Эйка это стало возможным ввиду архаичности самой монархии, которая не была реформирована, хотя бы в направлении разумного распределения политической и военной власти, а также «совершенной некомпетентности» кайзера, от решений которого зависела судьба целого народа¹⁷. Немецкий историк Фриц Хартунг, который также видит в Вильгельме II самодержавного монарха, самостоятельно устанавливающего руководящие принципы политики и следящего за их соблюдением, в итоге заключает, что кайзера не интересовал строгий и непрерывный контроль над министрами и статс-секретарями. Ему не хватало «истинной серьезности, благоговения перед кропотливой работой», и по этой причине Вильгельм II не стал «выдающейся личностью», а его собственная власть являлась скорее политической риторикой, чем реальным институтом¹⁸.

Иной подход к пониманию «режима личной власти» Вильгельма II, предложенный британским историком Джоном Рёлем, напротив, оправдывает его эффективность, исходя из идеи о «королевском механизме». Ее автор, немецкий социолог Норберт Элиас, понимал под «королевским механизмом» возможность монарха использовать придворные противоречия в личных интересах, как правило имиджевых, оставляя своему окружению определенную свободу в принятии решений¹⁹. Политик и доверенное лицо кайзера граф Филипп цу Эйленбург (1847–1921), канцлер Бернгард фон Бюлов (1849–1929) и поначалу дипломат Фридрих Август фон Гольштейн (1837–1909), позже превратившийся в убежденного противника Вильгельма II, как и многие другие придворные чиновники, работали на поддержание «режима личной власти». В обмен на свободу действий в своих ведомствах они нарочито демонстрировали верноподданнические чувства и добивались благосклонности монарха, манипулируя имперской политикой, превратив соперничество за доверие императора в доминирующую черту системы. В итоге Вильгельм II часто оставался в неведении, получая от своих придворных чрезмерную лесть и желаемую покорность. Поэтому Дж. Рёль говорит не о личном режиме, а скорее о негативном внешнем эффекте механизма королевской власти²⁰.

И, наконец, полное отрицание «режима личной власти» кайзера предложил историк из Билефельда Ганс-Ульрих Велер. В соответствии со своей социально-исторической концепцией и пониманием эпохи «вильгельминизма» он обнаружил «полость на вершине пирамиды власти», образовавшуюся «после высадки бонапартистского пилота»²¹. Называя этим «пилотом» Вильгельма II, Г.-У. Велер имел в виду, что основные направления внешней и внутренней политики были заложены без участия императора задолго до его воцарения. Они сформировались без участия монарха в союзе олигархии с функциональной чиновничьей элитой. Это был уже сложившийся, обезличенный альтернативный союз интересов, способный принимать самостоятельные политические решения, которого, по словам историка, было достаточно для защиты власти и без харизматичного Бисмарка; союз, который для себя избрал ошибочную стратегию усиления авторитарной власти монарха, предоставив Вильгельму II больше свободы действий, что привело к катастрофе Первой мировой войны. Этим тезисом Г.-У. Велер отверг идею «режима личной власти» монарха в пользу структурных объяснений политического развития Германии²².

¹⁷ Eycck E. Das persönliche Regiment. Politische Geschichte des Deutschen Kaiserreiches von 1890 bis 1914. Erlenbach-Zürich, 1948. S. 782.

¹⁸ Hartung F. Deutsche Geschichte vom Frankfurter Frieden bis zum Vertrag von Versailles 1871–1919. Bonn, 1930. S. 149.

¹⁹ Элиас Н. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования: в 2-х т. Т. 2. Изменения в обществе. Проект теории цивилизации. М.; СПб., 2001. С. 98.

²⁰ Röhl J. C. G. Kaiser, Hof und Staat. Wilhelm II. und die deutsche Politik. München, 1995. S. 126.

²¹ Wehler H.-U. Das Deutsche Kaiserreich 1871–1914. Göttingen, 1973. S. 220.

²² Wehler H.-U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. 4 Bde. Bd. 3. Von der “Deutschen Doppelrevolution” bis zum Beginn des Ersten Weltkrieges 1849–1914. München, 1995. S. 1154.

За «блестящим фасадом авторитарной монархии тлел перманентный государственный кризис», который в конечном итоге привел к установлению в результате борьбы придворных группировок за внимание кайзера «поликратии соперничающих центров власти». Следствием этого соперничества стала постоянно меняющаяся расстановка сил и «зигзагообразный курс», который в первую очередь отражался на внутренней и внешней политике империи²³.

Новый взгляд на «вильгельминизм» предлагает берлинский историк Вольфганг Кёниг, предпринимая попытку связать политику императора с научно-технологическим прорывом и становлением модерна²⁴. Предметом его изучения стали личные интересы и покровительство Вильгельма II науке и технике, что соответствовало духу «второй технологической революции», когда происходил уверенный индустриальный и хозяйственный подъем Германии, несмотря на негативное воздействие «кризиса грюндерства» и последовавшей мировой экономической рецессии («долгой депрессии») 1873–1896 гг.²⁵ Конечно, поддержка императором различных отраслей хозяйства осуществлялась избирательно. Так, несмотря на увлечение Вильгельма II строительством каналов, авиацией и электротехникой, военно-морским флотом и радио, — что отвечало задачам вооружения и превращения Германии в ведущую мировую державу — он в значительной мере оставался равнодушным к станкостроению, химической промышленности и к железнодорожному строительству. Его в первую очередь интересовало «только новое, сенсационное, самое большое и лучшее»²⁶. Историк привел массу примеров того, как поддержка императора способствовала реализации лучших научно-технических (в том числе инфраструктурных) проектов: Миттелландский канал (1906), ради которого император пошел на отчуждение от прусских консерваторов, проекты по улучшению системы водных путей Северной Германии (1900–1914), содействие развитию автомобилестроения, автономизация технических университетов и финансовая поддержка их научно-исследовательской деятельности и проч.

Делая выводы, В. Кёниг заключает, что технологическая политика Вильгельма II способствовала освобождению буржуазии от чрезмерного чиновничьего контроля и, следовательно, стимулировала социальную модернизацию Германии. В оценках этой политики историк приходит к выводу, что император видел в ней средство обновления института монархии с точки зрения придания ей имиджа успешной, современной и прогрессивной. Для этого использовались всевозможные инсценировки: от прибытия монарха на новейшем автомобиле до демонстрации запуска пускового механизма с обязательным присутствием средств массовой информации. Однако, несмотря на крайне важный для Вильгельма II внешний эффект, он действительно мечтал поставить науку на службу монархии, рассматривая ее достижения прежде всего в контексте модернизации армии и флота.

Исторические дискуссии о «режиме личной власти» Вильгельма II и его последствиях помогают пониманию противоречивого характера политической реальности Германской империи и ключевых тенденций ее развития в конце XIX — начале XX в.

«МНИМЫЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ» ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Проблемы, скрывавшиеся за блеском империи, созданной Бисмарком, по-прежнему были связаны с наследием средневековья. Как ни пытались талантливые политики

²³ Ibid. S. 1000.

²⁴ König W. Wilhelm II. und die Moderne. Der Kaiser und die technisch-industrielle Welt. Paderborn, 2007.

²⁵ Абельсхаузер В. Экономика кайзеровской Германии: благоприятная среда для развития постиндустриальных институтов // Экономическая история Германии: от эпохи камерализма до наших дней. Монография: в 3-х т. Т. 1. Экономическая история Германии в Новое время: от аграрного общества к мировой промышленной державе / сост., пер. с нем., науч. ред. С.И. Невского. М., 2016. С. 224.

²⁶ König W. Op. cit. S. 267.

приблизить величие рейха к идеалам Священной Римской империи германской нации, существовавшей тысячу лет, «германская мечта» все еще витала в облаках, скрываясь за традиционным союзом немецких монархий, возрожденным на скорую руку 18 января 1871 г. Император по-прежнему сохранял полноту власти, являясь верховным главнокомандующим и направляя деятельность правительства. С согласия парламента император объявлял войну и заключал мир (ст. 11), руководил федеральной администрацией, назначая, вводя в должность и смещая всех федеральных руководителей (ст. 18), включая канцлера (ст. 15), что фактически давало ему право определять курс федерального правительства. Вместе с тем его власть уже не являлась абсолютной. Конституция не давала ему общего права издавать указы — права, типичного для конституционного монарха. Более того, все его действия требовали контрасигнатуры канцлера, бравшего на себя всю ответственность (ст. 17)²⁷.

Так называемый «мнимый конституционализм», понятию которого соответствовала политическая система рейха, по сути, выводил императора из-под контроля конституции. Он превращал монарха в носителя государственного суверенитета и гаранта самой конституции²⁸. У такого политического порядка были как сильные, так и слабые стороны. Позитивным фактором являлась органическая связь монарха с подданными и концентрация власти в политическом центре империи. Проблема была лишь в том, что роль кайзера в развитии политической системы была отделена от юридического развития его должности²⁹. Речь в данном случае идет о сознательном превышении императором своих полномочий и практике нарушения Конституции 1871 г., подтверждавшейся «феноменами негласных изменений конституции» и «конституционного права»³⁰. Это создавало опасный прецедент для империи, зависящий от воли монарха, тем более что сторонники и противники «режима личной власти» априори исходили из идеи расширения конституционной дееспособности кайзера после отставки Бисмарка³¹. Такое расширение характеризовалось постепенным появлением у кайзера права законодательной инициативы и права налагать вето на законы парламента, чего не было в тексте конституции. Согласно ее тексту предложения могли быть внесены в законодательный процесс либо правительствами земель в бундесрате, либо рейхстагом (ст. 7, 23)³². Однако в течение последующих лет возникло право внесения законодательных инициатив «от имени Его Величества Императора» или «от имени Императора»³³.

В стремлении к абсолютизму Вильгельм II вовсе не противился рейхстагу, хотя с детства не мог терпеть все, что хоть как-то относилось к Великобритании. Политическая система с парламентом во главе была частью наследства великого деда, которое Вильгельм II стремился приумножить, увековечив свое собственное имя. Подтверждением лояльности императора парламенту может считаться своеобразный символ эпохи — здание в центре столицы, работы над которым были завершены в 1894 г. Характерной точкой отсчета нового царства должны были стать выборы нового парламента в феврале 1890 г., вот только крупнейшей фракцией в нем стала фракция партии «Центр», остававшейся в оппозиции официальному курсу. В то же время большинство голосов на выборах

²⁷ Конституция Германской империи // Собрание конституций. Вып. 1. М., 1905. С. 31–40.

²⁸ Медушевский А.Н. Что такое мнимый конституционализм (исторический опыт Германии) // Социологические исследования. 1994. № 2. С. 71–86; *Его же*. Монархический конституционализм в Германии и России // Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. Москва; Берлин, 2015. С. 376.

²⁹ Ostermann T. Die verfassungsrechtliche Stellung des Deutschen Kaisers nach der Reichsverfassung von 1871. Frankfurt a.M., 2009.

³⁰ Штоляйс М. История публичного права в Германии: Веймарская республика и национал-социализм. М., 2017. С. 77–78.

³¹ Röhl J.C.G. Kaiser Wilhelm II. Cambridge, 2014. P. 54; Clark C. Kaiser Wilhelm. London, 2000. P. 64.

³² См.: Конституция Германской империи. С. 30–31, 33.

³³ Fischer R. Das Recht des Deutschen Kaisers. Berlin, 1895. S. 150.

получила СДПГ (Социал-демократическая партия Германии), хотя по количеству мест в парламенте партия заняла лишь пятую позицию, уступив католикам, консерваторам, либералам и национал-либералам. Заигрывание Вильгельма II с рабочими доказывала проведенная по воле самого монарха Берлинская конференция о международной охране труда, которая, однако, так и не создала международно-правового механизма его защиты, чем вызвала критику социал-демократов и либералов. По существу, он продолжал начатую Бисмарком двойственную политику постепенных уступок и ограничений политического участия рабочих, сведения к минимуму их способности оказывать давление на государство. Однако вышло так, что истечение срока «исключительного закона против социалистов» обернулось для социал-демократов настоящим триумфом³⁴. Выйдя из тени нелегальности, СДПГ очень быстро завоевала симпатии избирателей.

Тот факт, что социал-демократическая фракция стала крупнейшей в парламенте Вильгельма II, вселил в императора уверенность, что с помощью монаршей снисходительности он может завоевать доверие рабочих. Этим было продиктовано желание императора начать свое правление с «социального вопроса». Была запрещена воскресная работа для детей, как и любая фабричная работа для детей в возрасте до 13 лет. Рабочее время для женщин ограничивалось 11 часами в день, а для молодых людей в возрасте до 16 лет – до 10 часов в день. Однако эти реформы не привели к желаемому воодушевлению рабочих, более того, они способствовали их отмежеванию от монархии. Ни император, ни его политические советники не понимали, что «социальный вопрос» конца XIX в. не мог быть решен монаршей снисходительностью, что «рабочий вопрос» касается конституционной интеграции социальных низов в государство и общество.

Убеденный в божественном праве своей монархии и традиционном общественном порядке, император решительно отверг все попытки ввести парламентскую демократию, которая урезала бы его имперские права и расширила бы права его подданных. Очень скоро Вильгельм II отказался заигрывать с рабочими, перейдя к жестким мерам. Основанием для такого курса стала радикализация рабочего движения. Так, на партийной конференции в Эрфурте в 1891 г. была принята новая программа СДПГ; в ее основу была положена марксистская логика свержения существующей социально-экономической системы. Социал-демократы провозгласили курс на завоевание политической власти в стране, посчитав необходимыми условиями этого всеобщее и равное избирательное право и восьмичасовой рабочий день.

Недавно завоеванная политическая свобода улучшила мобилизационные возможности социал-демократов, так что они смогли увеличить свою долю голосов на последующих выборах в рейхстаг. 12 января 1912 г. СДПГ становится крупнейшей фракцией парламента, получив на выборах большинство голосов избирателей. Но дух социального изгнания по-прежнему витал в воздухе: в эпоху военных кризисов и роста национальных настроений клевета и борьба с социал-демократами стали обычным делом, в то время как политические союзы между другими партиями превращаются в реальную силу. Полагая, что требовать широкой конституционной реформы, укрощения Пруссии и удаления монарха от власти, открывавшего дорогу новым преобразованиям, было еще слишком рано,

³⁴ Имперский закон «Против общественно опасных устремлений социал-демократии» (*Gesetz gegen die gemeingefährlichen Bestrebungen der Sozialdemokratie / Sozialistengesetz*), принятый 21 октября 1878 г., был направлен на запрет всех социал-демократических, социалистических или коммунистических союзов, обществ, собраний и печатных органов, деятельность которых рассматривалась как угроза существующему государственному или общественному строю. Подробнее см., например: *Ольховская О.В.* «Исключительный закон о социалистах» 1878 года и партия «Центр» // *Вестник Брянского государственного университета*. 2010. № 2. С. 35–38; *Устинова Ю.Н.* Гонения против социал-демократии в Германской империи и национал-либералы: 1878 год // *Вестник Брянского государственного университета*. 2010. № 2. С. 46–50; *Суворов Ю.В.* Страницы истории германской социал-демократии. Ч. 2. Партия в последней трети XIX века. Петрозаводск, 2013. С. 9–16.

либералы предпочли стать «совестью нации», выдвинув вперед интеллектуалов Макса Вебера (1864–1920) и Вернера Зомбарта (1863–1941). Незадолго до войны либералы образовали Прогрессивную народную партию во главе с политиками нового поколения – Фридрихом Науманом (1860–1919) и Густавом Штреземаном (1878–1929)³⁵.

«Новый курс» канцлера Георга Лео фон Каприви (1837–1899) с понижением торговых пошлин на импорт и свободной торговлей отвернул от монарха консервативные партии, державшиеся курса на укрепление протекционизма. Наиболее радикальные из них даже перешли к жесточайшей критике правительства, сославшись на непопулярный договор с Великобританией от 1 июля 1890 г.³⁶ Хотя консервативные остальбские аграрии не имели массовой поддержки, они пользовались значительным влиянием на патриотические и националистические союзы. Одним из самых многочисленных среди них стал Пангерманский союз, образованный 9 апреля 1890 г. и реорганизованный в 1894 г. на идеях государственной поддержки и последующего объединения всех немцев как в Европе, так и в колониях³⁷.

Своеобразную роль в политическом пространстве рейха играла католическая партия «Центр». Ее основание (13 декабря 1870 г.) стало итогом медленной политизации католической церкви, начавшейся после наполеоновских войн. Антиклерикальная кампания Бисмарка, который видел в любой организации немецких католиков тайных проводников влияния Папы римского, привела лишь к их сплочению. После завершения политики Культуркампа католики вышли из «осажденной крепости», продолжая добиваться защиты католического меньшинства и активизации государственной церковной политики³⁸. Энциклика папы Льва XIII *Regum Novarum* (лат. – «Новые веяния») от 15 мая 1891 г. придала политическому католицизму в Германии новый импульс. С помощью этого послания католическая церковь стремилась модернизировать и расширить свое влияние в решении социальных, экономических, политических и культурных задач современного общества, призывая к его обновлению и противостоянию набравшей силу социал-демократии.

«Мнимый конституционализм» политической системы и довольно устойчивые структуры монархического государства, апологетом которого была прусская императорская династия, не позволяли партиям сколько-нибудь существенно влиять на государственную политику, выталкивая их в сферу теоретических, часто оторванных от реальности дискуссий, и делая весьма иллюзорными хрупкие партийные коалиции. Вильгельм II не раз давал понять, что в любой момент может заявить о своих божественных правах и поступиться конституционными механизмами, причем для императора само понятие «политические партии» было равносильно формальному объединению его подданных. Так, когда речь зашла о войне, он напрямую обратился к партийным лидерам за поддержкой, подчеркнув, что обращается к ним, как к лучшим представителям немецкого народа. В своей

³⁵ Reich K. Die liberalen Parteien in Deutschland 1918 bis 1933. Osnabrück, 1979; Sheehan J. Der deutsche Liberalismus von den Anfängen im 18. Jahrhundert bis zum Ersten Weltkrieg, 1770–1914. München, 1983; Langewiesche D. Liberalismus in Deutschland. Frankfurt a.M., 1988; Баранов Н.Н. Левый политический либерализм в вильгельмовской Германии (1858–1918 гг.): дис. ... докт. ист. наук. Екатеринбург, 2012.

³⁶ Речь идет о Гельголандско-Зензибарском договоре, который разграничивал сферы колониальных интересов двух держав в Восточной и Юго-Западной Африке.

³⁷ Турыгин А.А. Карл Петерс и образование Пангерманского союза // Актуальные проблемы современных социально-гуманитарных наук: материалы Всероссийской научно-практической конференции 15 декабря 2012 г. / сост. С.К. Булдаков, А.А. Турыгин, Е.А. Чугунов. Кострома, 2013. С. 89–97; *Ego же*. «Если бы я был императором...»: Идеи и суждения Генриха Класса о пангерманской альтернативе развития Германии (первая четверть XX в.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3 (63). Т. 2. С. 57–60; *Ego же*. Пангерманцы и монархия: критика и видение перспективы // Вестник Костромского государственного университета. 2017. № 4. С. 36–40.

³⁸ Lill R. Die Wende im Kulturkampf // Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken. Bd. 50. Rom, 1971. S. 276; Franz G. Kulturkampf. Staat und katholische Kirche in Mitteleuropa von der Säkularisation bis zum Abschluß des preußischen Kulturkampfes. München, 1954. S. 240.

знаменитой «балконной речи» в Берлине 31 июля и «тронной речи» в рейхстаге 4 августа 1914 г. кайзер заявил, что лично для него не существует никаких партий, а есть только немцы³⁹.

Как и политические партии, свой конституционный потенциал полностью не использовали и чиновники империи. Если члены верхней палаты рейхстага были убеждены, что их полномочия ограничиваются только границами земель, интересы которых они представляли, то министерские чиновники полагали, что их деятельность не должна выходить за пределы ведомственных компетенций; выполняя поручения канцлера, они не имели собственного политического веса. Об их обращении напрямую к императору не могло идти и речи.

Георг Лео фон Каприви в своем стремлении сплотить нацию, отказавшись от репрессивных методов Бисмарка против тех, кого создатель империи считал врагами — социал-демократов, католиков и поляков⁴⁰, как рейхсканцлер оказался неспособен сопротивляться придворным интригам аристократической элиты. Обладая организационным талантом и способностями к управлению, канцлер «запутался в лабиринте ущербной демократии и процветающего византизма»⁴¹, став тем политиком, кто не пришел к двору. Политика «нового курса» канцлера Каприви, министра торговли Ганса Германа фон Берлепша (1843—1926) и министра финансов Иоганна фон Микеля (1828—1901) в целом оказалась противоречивой⁴². Несмотря на цели, — достичь примирения монархии и подданных, вывести рабочих из-под влияния социал-демократии, сблизиться с либералами и конфессиональной партией «Центр», провести прогрессивные социальные и налоговые реформы, а также переориентироваться на Великобританию, отказавшись от сближения с Россией, — политика «нового курса» не выдержала сопротивления консервативных элит и самого кайзера, желавшего править самостоятельно. Она была рассчитана на активную парламентскую деятельность и сближение монархии с рейхстагом, что не вписывалось в планы Вильгельма II⁴³.

Исключением среди рейхсканцлеров Вильгельма II являлся Бернгард фон Бюлов (1849—1929)⁴⁴, поддержавший намерения кайзера править самостоятельно. В период его канцлерства (1900—1909) активизировалась колониальная политика «свободных рук», при которой государство предпочитало временные соглашения коалициям, чтобы в перспективе не связывать себя союзными обязательствами. Кроме того, при Бюлове были поддержаны военно-морские законы Альфреда фон Тирпица (1900, 1908) и продолжено строительство военных кораблей, начато строительство Багдадской железной дороги (1900—1910) и железных дорог в колониальных владениях Германии, расширено социальное законодательство и проведена финансовая реформа. В результате колониального конфликта (восстание племени готтентотов в Намибии в 1904—1907 гг.) и отсутствия партийного единства в этом вопросе рейхстаг был распущен и избран вновь с реакционным и проканцлерским «готтентотским» или «бюловским блоком». Этот блок стал первой проправительственной коалицией, продержавшись около двух лет⁴⁵. Создание такого блока, по мнению калининградского историка И.П. Максимова, в очередной раз

³⁹ Цит. по: *Schoeps J.H. Kriegsbegeisterung und Ernüchterung: Über das Selbstverständnis und die Befindlichkeiten deutscher Juden im Ersten Weltkrieg und danach // Zeitschrift für Religions- und Geistesgeschichte. 2014. Vol. 66. № 1. S. 76.*

⁴⁰ *Матвеева А.Г. Канцлер Каприви и поляки. «Новый курс» в политике Германии в 1890—1894. М., 2008.*

⁴¹ *Mann G. Deutsche Geschichte des 19. und 20. Jahrhunderts. Frankfurt a.M., 1992. S. 502.*

⁴² *Nipperdey T. Deutsche Geschichte 1866—1918. Machtstaat vor der Demokratie. München, 1992. S. 708.*

⁴³ *Mann G. Deutsche Geschichte. S. 502; Nipperdey T. Op. cit. S. 708.*

⁴⁴ Бюлов занимал пост рейхсканцлера Германской империи с 1900 по 1909 г.

⁴⁵ *Eschenburg T. Das Kaiserreich am Scheideweg. Bassermann, Bülow und der Block. Berlin, 1929; Hartmann H.-G. Die Innenpolitik des Fürsten Bülow 1906—1909. Kiel, 1950; Winzen P. Reichskanzler Bernhard von Bülow. Regensburg, 2013; Максимов И.П. Бюлов и «готтентотский блок» 1907—1909 годов. Реализация «политики сплочения» на практике // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 4. С. 90—96.*

продемонстрировало «приспособляемость» Бюлова и управляемость парламента в интересах монархии и консервативных элит⁴⁶.

Отставка Бюлова в июле 1909 г. последовала за неудачей налоговой реформы. Стремление канцлера ввести налог на наследство натолкнулось на решительное сопротивление аристократических элит. Вильгельм II отказался защищать своего «нового Бисмарка», так и не простив ему упреков в том, что, по мнению Бюлова, императору следовало согласовывать свои официальные заявления с парламентом. Инцидент, который дал повод канцлеру «отчитать» своего патрона, произошел годом ранее, когда император дал интервью британской газете «Дэйли телеграф» (28 октября 1908 г.). В нем Вильгельм II критически высказался о внешней политике Великобритании, что спровоцировало международный скандал и воодушевило оппозицию монархии в рейхстаге⁴⁷.

Новый канцлер Теобальд фон Бетман-Гольвег (1856–1921)⁴⁸ был противоположностью своего предшественника. Не обладая дипломатическими способностями, канцлер был настоящим бюрократом, исполняя в парламенте роль посланника императора. Оставаясь верным идеалам справедливости, примирения, свободы и порядка, Бетман-Гольвег не обладал сильным характером, чтобы настаивать на их соблюдении; он был похож на философа, который интеллектуально соответствовал задачам своего офиса, но был не в состоянии отстаивать свои позиции, вопреки многочисленному сопротивлению со стороны императора, двора, военных и партий⁴⁹. Бетман-Гольвег запомнился как «канцлер войны», так как возглавлял правительство с 1909 по 1917 г. Начавшаяся при его предшественнике либерализация общественной жизни не лишила власть ее консервативной опоры. Напротив, хотя парламентские выборы 1912 г. и принесли ошутимую победу социал-демократам, католикам «Центра» и прогрессистам, оппозиционная правительству коалиция так и не была создана⁵⁰. Стремясь отвлечь электорат социал-демократов, правительство вместе с монархом усилило свою внешнеполитическую активность.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС И «РЫВОК К МИРОВОМУ ГОСПОДСТВУ»

Внешнеполитическое наследие Бисмарка для чиновников Вильгельма II и самого императора оказалось не таким прочным, как можно было рассчитывать. Известная фраза «железного канцлера» о бесстрашии немцев, произнесенная им 6 февраля 1888 г. в рейхстаге, на самом деле заканчивалась вовсе не вызовом: «Мы, немцы, боимся только бога и больше никого на свете, именно потому мы ценим и храним мир»⁵¹. Баланс сил, созданный Бисмарком в международных делах, постоянно проверялся на прочность реваншистскими устремлениями Франции, а союз континентальных монархий («Союз трех императоров») выглядел, скорее, как дань традициям венской дипломатии. Обострение отношений России и Австро-Венгрии на Балканах, казавшееся неизбежным, рано или поздно заставило бы Германию выбрать ту или иную сторону. Победа Вены в потенциальном столкновении с Россией могла возродить планы великогерманского объединения, создавая опасную конкуренцию с рейхом, а победа России с панславистскими тенденциями ее дипломатии угрожала незыблемости восточных границ. После отставки Бисмарка Германия в

⁴⁶ Максимов И. П. Указ. соч. С. 96.

⁴⁷ The interview of the Emperor Wilhelm II on October 28, 1908 // London Daily Telegraph. October 28, 1908.

⁴⁸ Бетман-Гольвег находился на посту рейхсканцлера с 1909 по 1917 г. Подробнее см., например: Egelhaaf G. Theobald von Bethmann Hollweg, der fünfte Reichskanzler. Stuttgart, 1916; Vietsch E. v. Bethmann Hollweg. Staatsmann zwischen Macht und Ethos. Boppard am Rhein, 1969.

⁴⁹ Reichskanzler Theobald von Bethmann Hollweg 1909–1921. Rekonstruktion seines verlorenen Nachlasses / Hrsg. W. Baumgart. Berlin, 2021. S. 4–5.

⁵⁰ Winkler J. R. Sozialstruktur und Parteiensystem in Deutschland 1912–1924 // Historical Social Research. 1992. Vol. 17. № 1. S. 72, 93.

⁵¹ Bismarck O. Die gesammelten Werke. Friedrichsruher Ausgabe. Bd. 13. Reden / Bearb. von W. Schüßler. Berlin, 1930. S. 347.

1890 г. отказалась продлевать договор о «перестраховке», дав понять, что не собирается следовать традиции великого канцлера⁵². Вместе с тем отношения Вильгельма II с Австро-Венгрией, ближайшим союзником Германии по Двойственному союзу 1879 г., характеризовались его непониманием сложных проблем неоднородного полиэтнического состава Дунайской монархии. Оценивая ситуацию в Австро-Венгрии, Вильгельм не стеснялся в словах. Немецкий кайзер открыто критиковал военные и политические слабости своего союзника и вообще считал, что он распознал зло в «типичной для этой страны нерешливости»⁵³.

Так или иначе, после ухода Бисмарка внешнеполитический курс начинает балансировать между иллюзиями стабильности и реальностью. Отказ от договора «перестраховки» с Россией сразу после отставки Бисмарка заставлял усомниться в словах Вильгельма II: «Курс остаётся прежним. Полный вперед!»⁵⁴. В силу того, что рейх, созданный Бисмарком, покоился на лаврах одержанных ранее побед, преемники «железного канцлера» практически сразу начинают помышлять о новых завоеваниях. Самым фанатичным мечтателем, грезившим славой великих полководцев Средневековья, был сам император Вильгельм II. Его «Гуннская речь», произнесенная 27 июля 1900 г. в Бремерхафене по случаю отправки экспедиционного корпуса в Китай для подавления «боксерского восстания», является ярким тому подтверждением: «Как выйдете на врага, он будет разбит. Пошады не давать! Пленных не брать! Обречен тот, кто попадет вам в руки! Как тысячу лет назад гунны прославились под руководством короля Атилы, который и сейчас кажется исполином в преданиях и сказках, так и имя “немцы” на тысячу лет утвердится в Китае так, что ни один китаец никогда не отважится косо взглянуть на немца!»⁵⁵.

Громкие заявления императора о колониальном могуществе Германии, носившие провокационный характер, часто были направлены против Великобритании, имевшей в Китае собственные интересы. Намерение Каприви пойти на сближение с Великобританией становится не более чем скромной личной инициативой канцлера. Вильгельм II рассчитывал выстраивать отношения с британцами сразу после завершения строительства мощного военно-морского флота, хотя сам факт его наличия в Германии был неприемлем для «владычицы морей». Историки склонны считать, что экспансия Германии на море стала следствием намерения императора досадить англичанам, а ее активность в колониальных делах — результатом ущемленного самолюбия опоздавшей к разделу мира державы⁵⁶. Об этом говорил Бюлов, выступая в рейхстаге 6 декабря 1897 г.: «Времена, когда немцы оставляли одному из своих соседей землю, а другому — моря, оставив за собой лишь небо, безвозвратно ушли в прошлое... Мы никого не хотим оттеснить в тень, но мы требуем себе места под солнцем»⁵⁷. Это требование напоминало скорее призыв к немедленному действию, чем просто утверждение, поскольку затрагивало патриотические чувства и торговые интересы, для защиты которых немцам стоило тут же взяться за оружие и направить свое недовольство в русло колониализма.

⁵² Тайный Договор о перестраховке (Rückversicherungsvertrag), подписанный между Германией и Россией в Берлине в июне 1887 г., должен был служить гарантом соблюдения нейтралитета обеих стран в случае осложнения отношений между Германией и Францией, а также обострения обстановки на Балканах. Подробнее см., например: *Groeppe H. Bismarcks Sturz und die Preisgabe des Rückversicherungsvertrages*. Paderborn, 2008; *Камкин А.К. Германия — Россия: Договор о подстраховке 1887 года — упущенный мирный шанс истории Европы // Современная Европа*. 2011. № 1 (45). С. 126—138.

⁵³ *Clark C. Wilhelm II. Die Herrschaft des letzten deutschen Kaisers*. München, 2008. S. 122.

⁵⁴ Цит. по: *Leibenguth P. Modernisierungskrisis des Kaiserreichs an der Schwelle zum Wilhelminischen Imperialismus. Politische Probleme der Ära Caprivi (1890—1894)*. Köln, 1975. S. 104.

⁵⁵ *Die Reden Kaiser Wilhelms II. Bd. 2. In den Jahren 1896—1900 / Hrsg. J. Penzler*. Leipzig, 1912. S. 209—212.

⁵⁶ *Fischer M. Vierzig Jahre deutsche Chinapolitik*. Hamburg, 1962; *Kirby W. Stanford Journal of East Asian Affairs*. Stanford, 1984.

⁵⁷ Rede von Staatsminister Freiherr von Bülow im deutschen Reichstag am Montag, den 6. Dezember 1897 // *Verhandlungen des Reichstags*. IX. Leg. 5. Sess. Bd. 159. 1897—1898. S. 60.

Стремясь нарастить силы, Германия обратилась к идее морского могущества. В умах интеллектуалов, стоявших у истоков немецкой школы геополитики (Фридрих Ратцель (1844–1904), Карл Хаусхофер (1869–1946)), идею будущего мирового господства и процветания рейха был способен реализовать только мощный флот. Адмирал Альфред фон Тирпиц (1849–1930), возглавивший в 1897 г. германское Адмиралтейство, стал выразителем подобной идеи и общественных настроений. В 1898 г. рейхстагом был одобрен первый из пяти «флотских законов»⁵⁸, открывавший дорогу масштабному строительству броненосных кораблей, что позволило бы в будущем вывести германские военно-морские силы на уровень двух третей от британских. С этого момента Германия стала врагом номер один для общественного мнения Великобритании⁵⁹.

Историки с редким для своей профессии единодушием рассматривают гонку военно-морских вооружений как увертюру к будущей мировой войне, в исполнении которой вильгельмовская империя играла первую скрипку. Свообразным проявлением ее экспансии являлось активное расселение немцев по всему свету: только за вторую половину XIX в. из Германии эмигрировало около 4,4 млн человек, т.е. 7% населения страны. Анализируя причины немецкой миграции, российская исследовательница Е.К. Чернецкая отмечает преобладание экономических интересов⁶⁰. Вместе с тем среди объективных причин миграции она называет «быстрый рост населения, отмечавшийся в Германии в XIX в., нехватку рабочих мест, низкую заработную плату и обнищание некоторых слоев населения, что приводило многие тысячи немцев к мысли о необходимости покинуть родину в поисках лучшей жизни»⁶¹. Будучи обычным явлением общественной жизни, миграция очень часто становилась объектом политических споров и рассматривалась с точки зрения теории «земельного голода» и внутривнутриполитической стабилизации за счет оттока потенциальных революционных сил⁶².

Во время острого международного конфликта, возникшего на почве споров Франции и Германии за контроль над Марокко (Первый марокканский кризис, 1905–1906 гг.), кайзер посетил Танжер и выступил за созыв международной конференции по Марокко, что отодвигало на неопределенное время планы Франции по овладению этой страной. Тем не менее на этой конференции, которая годом позже была проведена в испанском Альхесирасе, Германия оказалась в изоляции, а Франции при поддержке Великобритании удалось упрочить свои позиции в марокканском султанате.

Попытка заручиться поддержкой России в ходе Марокканского кризиса привела к дипломатическому конфузу. 24 июля 1905 г. в Финском заливе у острова Бьёркё состоялась встреча Вильгельма II и Николая II, в ходе которой кайзеру удалось разыграть британскую карту, заставив своего кузена подписать договор о взаимопомощи в случае нападения третьих стран. Воодушевление обоих монархов сошло на нет, как только от своего окружения они узнали, что такой договор попросту не будет иметь силы. После протестов министра иностранных дел В.Н. Ламсдорфа (1841–1907) Николай II сообщил Вильгельму II, что Бьёркский договор не затрагивает обязательств, вытекающих из более раннего русско-французского соглашения (1904). Это было равносильно его денонсации.

Более значительными оказались последствия Второго марокканского кризиса 1911 г., когда вмешательство британской дипломатии и отсутствие поддержки со стороны союзников привели к тому, что Германия распрощалась со своими планами на колонизацию

⁵⁸ Остальные военно-морские законы, предписывавшие расширение строительства крупных военных кораблей, были приняты в 1900, 1906, 1908 и 1912 гг. Подробнее см., например: *Hobson R. Maritimer Imperialismus. Seemachtideologie, seestrategisches Denken und der Tirpitzplan 1875 bis 1914.* München, 2004.

⁵⁹ *Nuhn W. Kolonialpolitik und Marine. Die Rolle der Kaiserlichen Marine bei der Gründung und Sicherung des deutschen Kolonialreiches 1884–1914.* Bonn, 2002.

⁶⁰ *Чернецкая Е.К. Жажда странствий: эмиграция из Германской империи в конце XIX – начале XX в. // Гуманитарный акцент. 2017. № 1. С. 59–65.*

⁶¹ Там же. С. 62.

⁶² *Grothe H. Auswanderung und deutsche Volkswohlfahrt.* Berlin, 1919. S. 11.

этой страны. Марокко стало протекторатом Франции, а Берлину пришлось довольствоваться частью французского Конго, полученного в качестве «отступного». Внутри самой Германии неудачный «прыжок пантеры»⁶³ породил недовольство и волну шовинизма, охватившую не только националистические союзы. Требования отомстить западному соседу за унижение стали раздаваться и с парламентской трибуны.

Разочарование в дипломатических способах борьбы за «место под солнцем» вновь выдвинуло на первый план военных. Генеральный штаб Германии уже к 1905 г. разработал детальный план молниеносной войны на Западе, нарушавший нейтралитет Бельгии. Сменявшие друг друга канцлеры не решались поставить под вопрос последствия такого шага, что оказалось своего рода политической капитуляцией перед военным ведомством. Оккупация Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины осенью 1908 г., а затем быстротечные Балканские войны 1912–1913 гг. усиливали иллюзию, что передел европейских границ возможен «малой кровью». Армии ведущих держав континента за сорок лет «долгого мира» выросли более чем в два раза, получили новейшие виды вооружений, включая самолеты и линкоры типа «дредноут».

Роль Вильгельма II в развязывании Первой мировой войны была двойственной. В своем воинственном мировоззрении он видел зарю последней решающей битвы между германцами и славянами. С другой стороны, он предпринимал попытки предотвратить войну против России, апеллируя к династической солидарности между монархами. В конце концов, однако, он подтвердил свою безоговорочную поддержку выступления Австро-Венгрии против Сербии, тем самым проложив путь к военной эскалации. В ходе мировой войны император, обладавший весьма умеренными стратегическими способностями, отстранился от верховного командования германскими армиями. Однако Вильгельм II продолжал оставаться определяющей символической фигурой Четверного союза, заслонив собой Франца Иосифа I (1830–1916). Из-за вакуума власти, вызванного пассивностью престарелого Габсбурга и разницы военно-экономического потенциала стран, германский император взял на себя роль ведущего правителя в стане Центральных держав.

Накануне Первой мировой войны Вильгельм II был символом национального единства, вышедшего за пределы конфессиональных, социальных, этнических и региональных разделений, и олицетворял завоевательный динамизм бурно развивающейся Германии. В ноябре 1918 г. он стал козлом отпущения за поражение и крах, тем самым приняв на себя ответственность и за довоенное процветание, и за бедствия Первой мировой войны. Историки согласны с тем, что «вильгельминизм» нашел свое наибольшее выражение в жестком консерватизме, тесно связанном с прусскими юнкерами и монархическими традициями средневековья.

В продолжающихся дискуссиях о режиме и границах личной власти императора заслуживает внимания точка зрения британского историка Джеффри Ховарда Эли, который предлагает компромиссный вариант между теми, кто отрицает существование «режима личной власти» Вильгельма II, и теми, кто его признает. Историк выделяет десять областей, в которых явно можно проследить решающее влияние Вильгельма II: 1) министерская политика на протяжении большей части 1890-х годов; 2) внешняя политика накануне Первой мировой войны; 3) обеспечение легитимности нелиберальных антипарламентских инициатив внутри консервативного истеблишмента; 4) перегруженность и излишний драматизм внешнеполитической стратегии Германии вследствие sporadических эмоциональных поступков императора; 5) формирование неблагоприятного имиджа Германии у ее соседей; 6) последовательная поддержка военно-морской политики Тирпица; 7) систематическая неспособность ставить и контролировать военные цели; 8) поддержка Австро-Венгрии в

⁶³ Для устрашения французов летом 1911 г. в Агадир была направлена германская канонерская лодка «Пантера», следом за которой туда прибыл крейсер «Берлин». «Прыжок Пантеры» (Panthersprung) произошел по инициативе Вильгельма II с целью оказания военно-политического давления на противника. См.: *Röhr A. Deutsche Marinechronik. Oldenburg, 1974.*

период после 1908 г.; 9) привлечение к обсуждению и участию в политическом процессе представителей собственного окружения, выдвинутых самим императором, что порождало «поликратический хаос»; 10) поддержание механизма авторитарной власти в качестве инструмента легитимности политической системы при помощи вручения медалей и наград, раздачи титулов и монарших милостей, оказания влияния на продвижение по службе, организации праздничных церемоний и торжеств — банкетов, парадов и фестивалей⁶⁴.

С момента появления одного из первых комплексных исследований эпохи Вильгельма II, написанного дипломатом Ричардом Балем при жизни самого монарха в 1914 г. и переизданного с серьезными редакторскими комментариями в 2017 г.⁶⁵, персона императора все еще рассматривается в центре политического и общественно-культурного ландшафта Германской империи на рубеже XIX–XX вв. Если влияние Вильгельма II на политику и существование реального механизма личной власти императора остается предметом спора историков, то без особого сомнения следует признать, что его персона делает узнаваемой целую эпоху. Нарративная и контрнарративная (аналитическая) традиции исторических исследований, связанные с монархом, по-прежнему конкурируют за смыслы и интерпретации, идентифицируя историков, школы и направления историографии.

Называя тридцатилетний период правления императора Вильгельма II «эпохой нервозности», билефельдский историк Йоахим Радкау вряд ли задумывался о приложении этого термина к тем историческим дискуссиям, которые с высокой степенью эмоциональной и интеллектуальной напряженности начались сразу после окончания Второй мировой войны⁶⁶. Касаясь понимания фундаментальных основ послевоенного немецкого общества, эти исторические дискуссии, участником которых был и сам Й. Радкау, попытались переосмыслить национальную историю с учетом «военных катастроф» первой половины XX в. Одной из таких проблемных тем, возникшей из дискуссии о разрывах и преемственности национальной истории, стала тема персональной ответственности германского императора в развязывании Первой мировой войны.

По этому вопросу среди историков по-прежнему не существует консенсуса; некоторые считают его одним из «величайших преступников в истории Германии» (Э. Эйк)⁶⁷, другие восхваляют Вильгельма II как «блестящего декоратора» (Н. Зомбарт)⁶⁸, «принца мира» и «талантливую популяризатора науки и техники» (В. Кёниг)⁶⁹. В историографии существуют и такие оценки, которые в меньшей степени затрагивают личные качества императора, уделяя внимание объективным факторам: традициям «трона и алтаря», которые на протяжении веков подпирали безличный механизм монархической власти (Дж. Рёль)⁷⁰, а также структурным социально-политическим изменениям, трансформировавшим облик монархии (Г.-У. Велер)⁷¹.

Несомненным достоинством продолжающихся научных дискуссий о Вильгельме II является отказ от крайностей в понимании его эпохи, восприятие которой ранее связывалось с историческими личностями и воздвигнутыми им памятниками только тогда, когда их возводили или свергали с пьедестала.

⁶⁴ Eley G. Review of the View from the Throne: The Personal Rule of Kaiser Wilhelm II // The Historical Journal. 1985. Vol. 28. № 2. P. 483.

⁶⁵ Ball R. Wilhelm der Letzte: Bilanz über 25 Jahre Regierungszeit Wilhelms II. Nordhausen, 2017.

⁶⁶ Радкау Й. Указ. соч.

⁶⁷ Eyck E. Op. cit.

⁶⁸ Sombart N. Wilhelm II. Sündenbock und Herr der Mitte. Berlin, 1996; Николай Зомбарт (1923–2008) был сыном немецкого экономиста и социолога Вернера Зомбарта.

⁶⁹ König W. Op. cit.

⁷⁰ Der Ort Kaiser Wilhelms II in der deutsche Geschichte / Hrsg. J.C.G. Röhl. München, 1991; Kaiser Wilhelm II. New Interpretations / eds J.C.G. Röhl, N. Sombart. Cambridge, 1982.

⁷¹ Wehler H.-U. Das Deutsche Kaiserreich 1871–1918.

Библиография

Абельсхаузер В. Экономика кайзеровской Германии: благоприятная среда для развития постиндустриальных институтов // Экономическая история Германии: от эпохи камерализма до наших дней: в 3 т. Т. 1. Экономическая история Германии в Новое время: от аграрного общества к мировой промышленной державе / сост., пер. с нем., науч. ред. С.И. Невского. М., 2016.

Баранов Н.Н. Левый политический либерализм в вильгельмовской Германии (1858–1918 гг.): дис. ... докт. ист. наук. Екатеринбург, 2012.

Камкин А.К. Германия – Россия: Договор о подстраховке 1887 года – упущенный мирный шанс истории Европы // Современная Европа. 2011. № 1 (45). С. 126–138.

Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг.: в 2-х т. Т. 2. Париж, 1933.

Конституция Германской империи // Собрание конституций. Вып. 1. М., 1905. С. 31–40.

Левшина Ю.А. К вопросу о влиянии прессы на формирование общественного мнения Германии в начале XX века // Ученые записки Орловского государственного университета. 2013. № 4 (54). С. 68–72.

Матвеева А.Г. Некоторые аспекты германской колониальной политики в 1880–1890-е гг. (по материалам Архива внешней политики Российской империи) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. № 8 (94).

Матвеева А.Г. Канцлер Каприви и поляки. «Новый курс» в политике Германии в 1890–1894. М., 2008.

Матвеева А.Г. Вильгельм II и отставка О. фон Бисмарка // Новая и новейшая история. 2022. № 5. С. 92–103.

Макдона Дж. Последний кайзер. Вильгельм Неистовый / пер. с англ. А.М. Филитова. М., 2004.

Максимов И.П. Бюлов и «готтентотский блок» 1907–1909 годов. Реализация «политики сплочения» на практике // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 4. С. 90–96.

Манн Г. Верноподданный. М., 1985.

Медушевский А.Н. Монархический конституционализм в Германии и России // Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. Москва-Берлин, 2015.

Медушевский А.Н. Что такое мнимый конституционализм (исторический опыт Германии) // Социологические исследования. 1994. № 2. С. 71–86.

Ольховская О.В. «Исключительный закон о социалистах» 1878 года и партия «Центр» // Вестник Брянского государственного университета. 2010. № 2. С. 35–38.

Полубояринова Л.Н. Литературный образ Берлина в эпоху кайзера Вильгельма II: между консерватизмом и модерном // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 1. № 4. С. 23–32.

Радкау Й. Эпоха нервозности. Германия от Бисмарка до Гитлера / пер. с нем. Н. Штильмарк; под науч. ред. С. Ташкенова. М., 2017.

Рёль Дж.К.Г. Вильгельм II Германский император (1888–1918) // Шиндлинг А., Циглер В. Кайзеры. Ростов-на-Дону, 1997.

Суворов Ю.В. Страницы истории германской социал-демократии. Ч. 2. Партия в последней трети XIX века. Петрозаводск, 2013.

Таран В.В. Кайзер и канцлер в эпоху правления Вильгельма II Гогенцоллерна // Colloquium-Journal. 2019. № 14 (38). С. 48–50.

Турыгин А.А. «Если бы я был императором...»: Идеи и суждения Генриха Класа о пангерманской альтернативе развития Германии (первая четверть XX в.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3 (63). Т. 2. С. 57–60.

Турыгин А.А. Карл Петерс и образование Пангерманского союза // Актуальные проблемы современных социально-гуманитарных наук: материалы Всероссийской научно-практической конференции 15 декабря 2012 г. / сост. С.К. Булдаков, А.А. Турыгин, Е.А. Чугунов. Кострома, 2013. С. 89–97.

Турыгин А.А. Пангерманцы и монархия: критика и видение перспективы // Вестник Костромского государственного университета. 2017. № 4. С. 36–40.

Устинова Ю.Н. Гонения против социал-демократии в Германской империи и национал-либералы: 1878 год // Вестник Брянского государственного университета. 2010. № 2. С. 46–50.

Фишер Ф. Рывок к мировому господству. Политика военных целей кайзеровской Германии в 1914–1918 гг. / пер. с нем. Л. Ланника. М., 2017.

Чернецкая Е.К. Жажда странствий: эмиграция из Германской империи в конце XIX – начале XX в. // Гуманитарный акцент. 2017. № 1. С. 59–65.

Штолляйс М. История публичного права в Германии: Веймарская республика и национал-социализм. М., 2017.

Элиас Н. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования: в 2-х т. Т. 2. Изменения в обществе. Проект теории цивилизации. М.; СПб., 2001.

Ball R. Wilhelm der Letzte: Bilanz über 25 Jahre Regierungszeit Wilhelms II. Nordhausen, 2017.

- Bismarck O.* Die gesammelten Werke. Friedrichsruher Ausgabe. Bd. 13. Reden / Bearb. von W. Schübeler. Berlin, 1930.
- Cecil L.* Wilhelm II: Prince and Emperor, 1859–1900. Chapel Hill, 1989.
- Clark C.* Wilhelm II. Die Herrschaft des letzten deutschen Kaisers. München, 2008.
- Clark C.* How powerful was the Kaiser? // London Review of Books. 2015. Vol. 37. № 8. URL: <https://www.lrb.co.uk/the-paper/v37/n08/christopher-clark/how-powerful-was-the-kaiser> (дата обращения: 30.01.2023).
- Clark C.* Kaiser Wilhelm. London, 2000.
- Der Ort Kaiser Wilhelms II in der deutsche Geschichte / Hrsg. J.C.G. Röhl. München, 1991.
- Die politischen Reden Kaiser Wilhelms II. Eine Auswahl / Hrsg. M.A. Obst. Paderborn, 2011.
- Die Reden Kaiser Wilhelms II. Bd. 2. In den Jahren 1896–1900 / Hrsg. J. Penzler. Leipzig, 1912.
- Egelhaaf G.* Theobald von Bethmann Hollweg, der fünfte Reichskanzler. Stuttgart, 1916.
- Eley G.* Review of the View from the Throne: The Personal Rule of Kaiser Wilhelm II // The Historical Journal. 1985. Vol. 28. № 2. P. 469–485.
- Eschenburg T.* Das Kaiserreich am Scheideweg. Bassermann, Bülow und der Block. Berlin, 1929.
- Eyck E.* Das persönliche Regiment Wilhelms II: politische Geschichte des deutschen Kaiserreiches von 1890 bis 1914. Erlenbach-Zürich, 1948.
- Fischer M.* Vierzig Jahre deutsche Chinapolitik. Hamburg, 1962.
- Fischer R.* Das Recht des Deutschen Kaisers. Berlin, 1895.
- Franz G.* Kulturkampf. Staat und katholische Kirche in Mitteleuropa von der Säkularisation bis zum Abschluß des preußischen Kulturkampfes. München, 1954.
- Genton F.* La “misère allemande”, un problème du socialisme européen vers 1900. La controverse Jaurès-Mehring à propos de Frédéric II de Prusse et de l’Aufklärung // Chroniques allemandes. 1998–1999. № 7. P. 77–80.
- Groepper H.* Bismarcks Sturz und die Preisgabe des Rückversicherungsvertrages. Paderborn, 2008.
- Grothe H.* Auswanderung und deutsche Volkswohlfahrt. Berlin, 1919.
- Hartmann H.-G.* Die Innenpolitik des Fürsten Bülow 1906–1909. Kiel, 1950.
- Hartung F.* Deutsche Geschichte vom Frankfurter Frieden bis zum Vertrag von Versailles 1871–1919. Bonn, 1930.
- Hasselhorn B.* Nach dem Königstod. Zum Umgang Wilhelms II. mit seinem Erbe nach 1918 // Preußendämmerung. Die Abdankung der Hohenzollern und das Ende Preußens: Kulturgeschichte Preußens. Colloquien / Hrsg. von T. Biskup, T. Vu Minh, J. Luh. Vol. 8. Heidelberg, 2019. S. 39–51.
- Hobson R.* Maritimer Imperialismus. Seemachtideologie, seestrategisches Denken und der Tirpitzplan 1875 bis 1914. München, 2004.
- Kaiser Wilhelm II. New Interpretations / eds J.C.G. Röhl, N. Sombart. Cambridge, 1982.
- Kirby W.* Stanford Journal of East Asian Affairs. Stanford, 1984.
- König W.* Wilhelm II. und die Moderne. Der Kaiser und die technisch-industrielle Welt. Paderborn, 2007.
- Langewiesche D.* Liberalismus in Deutschland. Frankfurt a.M., 1988.
- Leibenguth P.* Modernisierungskrisis des Kaiserreichs an der Schwelle zum Wilhelminischen Imperialismus. Politische Probleme der Ära Caprivi (1890–1894). Köln, 1975.
- Lenke A.* Gedächtnisräume des Selbst: Walter Benjamins “Berliner Kindheit um neunzehnhundert”. Würzburg, 2005.
- Lill R.* Die Wende im Kulturkampf // Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken. Bd. 50. Rom, 1971. S. 227–283.
- Mann G.* Deutsche Geschichte des 19. und 20. Jahrhunderts. Frankfurt a.M., 1992.
- Mann H.* Der Untertan. Roman. Leipzig, 1918.
- Mommsen W.J.* War der Kaiser an allem schuld? Wilhelm II. und die preußisch-deutschen Machteliten. Berlin, 2002.
- Nipperdey T.* Deutsche Geschichte 1866–1918. Machtstaat vor der Demokratie. München, 1992.
- Nuhn W.* Kolonialpolitik und Marine. Die Rolle der Kaiserlichen Marine bei der Gründung und Sicherung des deutschen Kolonialreiches 1884–1914. Bonn, 2002.
- Ostermann T.* Die verfassungsrechtliche Stellung des Deutschen Kaisers nach der Reichsverfassung von 1871. Frankfurt am Main, 2009.
- Rede von Staatsminister Freiherr von Bülow im deutschen Reichstag am Montag, den 6. Dezember 1897 // Verhandlungen des Reichstags. IX. Leg. 5. Sess. Bd. 159. 1897–1898. S. 60.
- Reich K.* Die liberalen Parteien in Deutschland 1918 bis 1933. Osnabrück, 1979.
- Reichskanzler Theobald von Bethmann Hollweg 1909–1921. Rekonstruktion seines verlorenen Nachlasses / Hrsg. W. Baumgart. Berlin, 2021.
- Röhl J.C.G.* Kaiser Wilhelm II. Cambridge, 2014.
- Röhl J.C.G.* Kaiser, Hof und Staat. Wilhelm II. und die deutsche Politik. München, 1995.
- Röhl J.C.G.* Wilhelm II. Der Weg in den Abgrund 1900–1914. 3. Aufl. München, 2017.
- Röhr A.* Deutsche Marinechronik. Oldenburg, 1974.
- Schabas W.A.* The trial of the Kaiser. Oxford, 2018.

Schoeps J.H. Kriegsbegeisterung und Ernüchterung: Über das Selbstverständnis und die Befindlichkeiten deutscher Juden im Ersten Weltkrieg und danach // Zeitschrift für Religions- und Geistesgeschichte. 2014. Vol. 66. № 1. S. 76–89.

Sheehan J. Der deutsche Liberalismus von den Anfängen im 18. Jahrhundert bis zum Ersten Weltkrieg, 1770–1914. München, 1983.

Sombart N. Wilhelm II. Sündenbock und Herr der Mitte. Berlin, 1996.

The interview of the Emperor Wilhelm II on October 28, 1908 // London Daily Telegraph. October 28, 1908.

Vietsch E.v. Bethmann Hollweg. Staatsmann zwischen Macht und Ethos. Boppard am Rhein, 1969.

Wehler H.-U. Das Deutsche Kaiserreich 1871–1914. Göttingen, 1973.

Wehler H.-U. Das Deutsche Kaiserreich 1871–1918. Göttingen, 1980.

Wehler H.-U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. 4 Bde. Bd. 3. Von der “Deutschen Doppelrevolution“ bis zum Beginn des Ersten Weltkrieges 1849–1914. München, 1995.

Winkler J.R. Sozialstruktur und Parteiensystem in Deutschland 1912–1924 // Historical Social Research 1992. Vol. 17. № 1. S. 53–102.

Winzen P. Reichskanzler Bernhard von Bülow. Regensburg, 2013.

References

Abel'skhauser V. Ekonomika kaizerovskoi Germanii: blagopriatnaia sreda dlia razvitiia postindustrial'nykh institutov [Economy of the German Empire: a Greenhouse of Post-Industrial Institutions] // Ekonomicheskaia istoriia Germanii: ot epokhi kameralizma do nashikh dnei: v 3 t. T. 1. Ekonomicheskaia istoriia Germanii v Novoe vremia: ot agrarnogo obshestva k mirovoi promyshlennoi derzhave [The Economic History of Germany: From the Era of Cameralism to the Present Days: in 3 vol. V. 1. The Economic History of Germany in the Modern Times: From the Agrarian Society to the World Industrial Power] / sost., per. s nem., nauch. red. S.I. Nevskogo. Moskva, 2016. (In Russ.)

Baranov N.N. Levyy politicheskii liberalizm v vil'gel'movskoi Germanii (1858–1918 gg.): dis. ... dokt. ist. nauk [The Left Political Liberalism in Wilhelmine Germany (1858–1918): Thesis for the Degree of Doctor of Historical Sciences]. Ekaterinburg, 2012. (In Russ.)

Cherneczkaya E.K. Zhazhda stranstvii: e'migraciya iz Germanskoi imperii v konce XIX – nachale XX v. [Wanderlust: Emigration from the German Empire in the late 19th – early 20th century] // Humanitarian accent [Humanitarian Emphasis]. 2017. № 1. P. 59–65. (In Russ.)

Elias N. O protsesse tsivilizatsii: Sotsiogeneticheskie i psikhogeneticheskie issledovaniia: v 2-kh t. T. 2. Izmeneniia v obshestve. Proekt teorii tsivilizatsii [On the Process of Civilization: Sociogenetic and Psychogenetic Studies: in 2 vols. Vol. 2. Changes in society. The Theory of Civilization Project]. Moskva; Sankt-Peterburg, 2001. (In Russ.)

Fischer F. Ryvok k mirovomu gospodstvu. Politika voennykh tselei kaizerovskoi Germanii v 1914–1918 gg. [Grab for World Power. Germany's Aims in the First World War] / per. s nem. L. Lannika. Moskva, 2017. (In Russ.)

Kamkin A.K. Germaniia – Rossiia: Dogovor o podstrakhovke 1887 goda – upushchennyi mirnyi shans istorii Evropy [Germany – Russia: The Reinsurance Treaty of 1887 – a Missed Chance for Peace in the History of Europe] // Sovremennaia Evropa [Modern Europe]. 2011. № 1 (45). S. 126–138. (In Russ.)

Kokovtsov V.N. Iz moego proshlogo. Vospominaniia 1903–1919 gg. [From my past. Memories 1903–1919]: v 2 t. T. 2. Parizh, 1933. (In Russ.)

Konstitutsiia Germanskoi imperii [Constitution of the German Empire] // Sbornie konstitutsii [Collection of Constitutions]. V. 1. Moskva, 1905. S. 31–40. (In Russ.)

Levshina Y.A. K voprosu o vliianii pressy na formirovanie obshchestvennogo mneniya Germanii v nachale HKH veka [On the issue of the influence of the press on the formation of public opinion in Germany at the beginning of the twentieth century] // Uchyonye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta [Scientific Notes of the Oryol State University]. 2013. № 4 (54). S. 68–72. (In Russ.)

Matveeva A.G. Nekotorye aspekty germanskoi kolonial'noj politiki v 1880–1890-e gg. (po materialam Arhiva vneshnej politiki Rossijskoi imperii) [Some aspects of German colonial policy in the 1880–1890s. (Based on the materials of the Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire)] // Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal “Istoriya” [Electronic scientific and educational Journal “History”]. 2020. T. 11. № 8 (94). (In Russ.)

Matveeva A.G. Kancler Kaprivi i polyaki. “Novyi kurs” v politike Germanii v 1890–1894 [Chancellor Caprivi and the Poles. “New Deal” in German politics in 1890–1894]. Moskva, 2008. (In Russ.)

Matveeva A.G. Vil'gel'm II i otstavka O. fon Bismarka [Wilhelm II and the Resignation of Otto von Bismarck] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2022. № 5. S. 92–103. (In Russ.)

MacDonogh G. Poslednii kaizer. Vil'gel'm Neistovyi [The Last Kaiser. William the Impetuous] / per. s angl. A.M. Filitova. Moskva, 2004. (In Russ.)

Maksimov I.P. Biulov i “gottentotskii blok” 1907–1909 godov. Realizatsiia “politiki splocheniia” na praktike [Bülow and the “Hottentot Bloc” of the 1907–1909s. Implementation of the “Cohesion Policy” in Practice] // Vestnik Baltiiskogo federal’nogo universiteta im. I. Kanta. Ser.: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki [Bulletin of the Baltic Federal Kant-University. Series: Humane and Social Sciences]. 2017. № 4. S. 90–96. (In Russ.)

Mann H. Vernopoddannyi [The Patrioteer]. Moskva, 1985. (In Russ.)

Medushevskii A.N. Monarkhicheskie konstitutsionalizm v Germanii i Rossii [The Monarchic Constitutionalism in Germany and Russia] // Demokratiia i avtoritarizm: rossiiskii konstitutsionalizm v sravnitel’noi perspektive [Democracy and Authoritarianism: Russian Constitutionalism in a Comparative Perspective]. Moskva; Berlin, 2015. (In Russ.)

Medushevskii A.N. Chto takoe mnimi konstitutsionalizm (istoricheskii opyt Germanii) [What is Imaginary Constitutionalism (the Historical Experience of Germany)] // Sotsiologicheskie issledovaniia [Sociological Research]. 1994. № 2. S. 71–86. (In Russ.)

Ol’khovskaia O.V. “Iskliuchitel’nyi zakon o sotsialistakh” 1878 goda i partiia “Tsentr” [“Exceptional Law on Socialists” of 1878 and the Center Party] // Vestnik Brianskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Bryansk State University]. 2010. № 2. S. 35–38. (In Russ.)

Poluboyarinova L.N. Literaturnyj obraz Berlina v epohu kajzera Vil’gel’ma II: mezhdru konservatizmom i modernom [The literary image of Berlin in the era of Kaiser Wilhelm II: between conservatism and modernity] // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina [Bulletin of the Leningrad State Pushkin-University]. 2014. T. 1. № 4. S. 23–32. (In Russ.)

Radkau J. Epokha nervoznosti. Germaniia ot Bismarka do Gitlera [The Era of Nervousness. Germany between Bismarck and Hitler] / per. s nem. N. Shtil’mark; pod nauch. red. S. Tashkenova. Moskva, 2017. (In Russ.)

Röhl J.K.G. Vil’gel’m II Germanskii imperator (1888–1918) [Wilhelm II, Emperor of Germany (1888–1918)] // Shindling A., Tsigler V. Kaizery [Kaisers]. Rostov-na-Donu, 1997. (In Russ.)

Shtollyajns M. Istoriya publichnogo prava v Germanii: Vejmarkskaia respublika i nacional-socializm [The History of Public Law in Germany: The Weimar Republic and National Socialism]. Moskva, 2017. (In Russ.)

Suvorov Iu.V. Stranitsy istorii germanskoi sotsial-demokratii. Ch. 2. Partii v poslednei treti XIX veka [Pages of the History of German Social Democracy. Part 2. The Party in the Last Third of the 19th Century]. Petrozavodsk, 2013. (In Russ.)

Taran V.V. Kajzer i kancler v epohu pravleniia Vil’gel’ma II Gogencollerna [Kaiser and Chancellor in the era of the reign of Wilhelm II of Hohenzollern] // Colloquium-Journal. 2019. № 14 (38). S. 48–50. (In Russ.)

Turygin A.A. “Esli by ia byl imperatorom...”: Idei i suzheniia Genriखा Klassa o pangermanskoi al’ternative razvitiia Germanii (pervaia chetvert’ XX v.) [“If I were an Emperor...”: Ideas and Judgments of Heinrich Klass on the Pan-German Alternative for the Development of Germany (the First Quarter of the 20th Century)] // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Kemerovo State University]. 2015. № 3 (63). T. 2. S. 57–60. (In Russ.)

Turygin A.A. Karl Peters i obrazovanie Pangermanskogo soiuza [Carl Peters and the formation of the Pan-German Union] // Aktual’nye problemy sovremennykh sotsial’no-gumanitarnykh nauk: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 15 dekabria 2012 g. [Actual Problems of Modern Social and Humanitarian Sciences: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, December 15, 2012] / sost. S.K. Buldakov, A.A. Turygin, E.A. Chugunov. Kostroma, 2013. S. 89–97. (In Russ.)

Turygin A.A. Pangermantsy i monarkhiia: kritika i videnie perspektivy [Pan-Germans and the Monarchy: Criticism and Perspective Vision] // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Kostroma State University]. 2017. № 4. S. 36–40. (In Russ.)

Ustinova Iu.N. Gonenii protiv sotsial-demokratii v Germanskoi imperii i natsional-liberaly: 1878 god [Persecution against the Social Democracy in the German Empire and the National Liberals: 1878] // Vestnik Brianskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Bryansk State University]. 2010. № 2. S. 46–50. (In Russ.)

Ball R. Wilhelm the Last: Summary of the 25-year reign of Wilhelm II. Nordhausen, 2017.

Bismarck O. Die gesammelten Werke. Friedrichsruher Ausgabe. Bd. 13. Reden / Bearb. von W. Schüßler. Berlin, 1930.

Cecil L. Wilhelm II: Prince and Emperor, 1859–1900. Chapel Hill, 1989.

Clark C. Wilhelm II. Die Herrschaft des letzten deutschen Kaisers. München, 2008.

Clark C. How powerful was the Kaiser? // London Review of Books. 2015. Vol. 37. № 8. URL: <https://www.lrb.co.uk/the-paper/v37/n08/christopher-clark/how-powerful-was-the-kaiser> (access date: 30.01.2023).

Clark C. Kaiser Wilhelm. London, 2000.

Der Ort Kaiser Wilhelms II in der deutsche Geschichte / Hrsg. J.C.G. Röhl. München, 1991.

Die politischen Reden Kaiser Wilhelms II. Eine Auswahl / Hrsg. M.A. Obst. Paderborn, 2011.

Die Reden Kaiser Wilhelms II. Bd. 2. In den Jahren 1896–1900 / Hrsg. J. Stenzler. Leipzig, 1912.

Egelhaaf G. Theobald von Bethmann Hollweg, der fünfte Reichskanzler. Stuttgart, 1916.

Eley G. Review of the View from the Throne: The Personal Rule of Kaiser Wilhelm II // The Historical Journal. 1985. Vol. 28. № 2. P. 469–485.

Eschenburg T. Das Kaiserreich am Scheideweg. Bassermann, Bülow und der Block. Berlin, 1929.

- Eyck E. Das persönliche Regiment Wilhelms II: politische Geschichte des deutschen Kaiserreiches von 1890 bis 1914. Erlenbach-Zürich, 1948.
- Fischer M. Vierzig Jahre deutsche Chinapolitik. Hamburg, 1962.
- Fischer R. Das Recht des Deutschen Kaisers. Berlin, 1895.
- Franz G. Kulturkampf. Staat und katholische Kirche in Mitteleuropa von der Säkularisation bis zum Abschluß des preußischen Kulturkampfes. München, 1954.
- Genton F. La "misère allemande", un problème du socialisme européen vers 1900. La controverse Jaurès-Mehring à propos de Frédéric II de Prusse et de l'Aufklärung // Chroniques allemandes. 1998–1999. № 7. P. 77–80.
- Groepfer H. Bismarcks Sturz und die Preisgabe des Rückversicherungsvertrages. Paderborn, 2008.
- Grothe H. Auswanderung und deutsche Volkswohlfahrt. Berlin, 1919.
- Hartmann H.-G. Die Innenpolitik des Fürsten Bülow 1906–1909. Kiel, 1950.
- Hartung F. Deutsche Geschichte vom Frankfurter Frieden bis zum Vertrag von Versailles 1871–1919. Bonn, 1930.
- Hasselhorn B. Nach dem Königstod. Zum Umgang Wilhelms II. mit seinem Erbe nach 1918 // Preußendämmerung. Die Abdankung der Hohenzollern und das Ende Preußens: Kulturgeschichte Preußens. Colloquien / Hrsg. von T. Biskup, T. Vu Minh, J. Luh. Vol. 8. Heidelberg, 2019. S. 39–51.
- Hobson R. Maritimer Imperialismus. Seemachtideologie, seestrategisches Denken und der Tirpitzplan 1875 bis 1914. München, 2004.
- Kaiser Wilhelm II. New Interpretations / eds J.C.G. Röhl, N. Sombart. Cambridge, 1982.
- Kirby W. Stanford Journal of East Asian Affairs. Stanford, 1984.
- König W. Wilhelm II. und die Moderne. Der Kaiser und die technisch-industrielle Welt. Paderborn, 2007.
- Lemke A. Memory spaces of the self: Walter Benjamin's "Berlin childhood around nineteen hundred". Würzburg, 2005.
- Langewiesche D. Liberalismus in Deutschland. Frankfurt a.M., 1988.
- Leibenguth P. Modernisierungskrisis des Kaiserreichs an der Schwelle zum Wilhelminischen Imperialismus. Politische Probleme der Ära Caprivi (1890–1894). Köln, 1975.
- Lill R. Die Wende im Kulturkampf // Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken. Bd. 50. Rom, 1971. S. 227–283.
- Mann G. Deutsche Geschichte des 19. und 20. Jahrhunderts. Frankfurt a.M., 1992.
- Mann H. Der Untertan. Roman. Leipzig, 1918.
- Mommsen W.J. War der Kaiser an allem schuld? Wilhelm II. und die preußisch-deutschen Machteliten. Berlin, 2002.
- Nipperdey T. Deutsche Geschichte 1866–1918. Machtstaat vor der Demokratie. München, 1992.
- Nuhn W. Kolonialpolitik und Marine. Die Rolle der Kaiserlichen Marine bei der Gründung und Sicherung des deutschen Kolonialreiches 1884–1914. Bonn, 2002.
- Ostermann T. Die verfassungsrechtliche Stellung des Deutschen Kaisers nach der Reichsverfassung von 1871. Frankfurt am Main, 2009.
- Rede von Staatsminister Freiherr von Bülow im deutschen Reichstag am Montag, den 6. Dezember 1897 // Verhandlungen des Reichstags. IX. Leg. 5. Sess. Bd. 159. 1897–1898. S. 60.
- Reich K. Die liberalen Parteien in Deutschland 1918 bis 1933. Osnabrück, 1979.
- Reichskanzler Theobald von Bethmann Hollweg 1909–1921. Rekonstruktion seines verlorenen Nachlasses / Hrsg. W. Baumgart. Berlin, 2021.
- Röhl J.C.G. Kaiser Wilhelm II. Cambridge, 2014.
- Röhl J.C.G. Kaiser, Hof und Staat. Wilhelm II. und die deutsche Politik. München, 1995.
- Röhl J.C.G. Wilhelm II. Der Weg in den Abgrund 1900–1914. 3. Aufl. München, 2017.
- Röhr A. Deutsche Marinechronik. Oldenburg, 1974.
- Schabas W.A. The trial of the Kaiser. Oxford, 2018.
- Schoeps J.H. Kriegsbegeisterung und Ernüchterung: Über das Selbstverständnis und die Befindlichkeiten deutscher Juden im Ersten Weltkrieg und danach // Zeitschrift für Religions- und Geistesgeschichte. 2014. Vol. 66. № 1. S. 76–89.
- Sheehan J. Der deutsche Liberalismus von den Anfängen im 18. Jahrhundert bis zum Ersten Weltkrieg, 1770–1914. München, 1983.
- Sombart N. Wilhelm II. Sündenbock und Herr der Mitte. Berlin, 1996.
- The interview of the Emperor Wilhelm II on October 28, 1908 // London Daily Telegraph. October 28, 1908.
- Vietsch E.v. Bethmann Hollweg. Staatsmann zwischen Macht und Ethos. Boppard am Rhein, 1969.
- Wehler H.-U. Das Deutsche Kaiserreich 1871–1914. Göttingen, 1973.
- Wehler H.-U. Das Deutsche Kaiserreich 1871–1918. Göttingen, 1980.
- Wehler H.-U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte. 4 B-de. Bd. 3. Von der "Deutschen Doppelrevolution" bis zum Beginn des Ersten Weltkrieges 1849–1914. München, 1995.
- Winkler J.R. Sozialstruktur und Parteiensystem in Deutschland 1912–1924 // Historical Social Research 1992. Vol. 17. № 1. S. 53–102.
- Winzen P. Reichskanzler Bernhard von Bülow. Regensburg, 2013.